На Молдаванке музыка играет

На Молдаванке музыка играет,
В пивной веселье пьяное шумит,
А за столом два вора заседают —
Старик-пахан и Костя-Инвалид.

Сидят они в отдельном кабинете,
Марусю поют розовым винцом,
А Костя-жулик держит на примете
Её вполне красивое лицо.

Он говорит, закуску подвигая,
Вином-шампанским душу горяча:
«Послушай, Маша, детка дорогая,
Мы пропадём без Кольки-Ширмача.

Торчит Ширмач на Беломорканале,
Толкает тачку, стукает киркой,
А фраера втройне богаче стали —
Кому ж их трогать дерзкою рукой?

Езжай, Маруся, милая, дотýда
И обеспечь фартовому побег.
Да торопись, кудрявая, покуда
Не запропал хороший человек!»

Маруся едет в поезде почтовом,
И вот она — у лагерных ворот,
А в это время зорькою бубновой
Идёт весёлый лагерный развод.

Кана́ет[1] Колька в кожаном реглане,
В лепне[2] военной, яркий блеск сапог,
В руке он держит важные бумаги,
А на груди — ударника значок.

«Ах, здравствуй Маша, детка дорогая,
Привет Одессе, розовым садам!

Скажи вора́м, что Колька вырастает
Героем трассы в пламени труда.

Ещё скажи: он больше не ворует,
Блатную жизнь навеки завязал;
Он понял жизнь здесь новую, другую,
Которую дал Беломорканал.

Прощай же, Маша, детка дорогая,
Одессе-маме передай привет!»
И вот уже Маруся на вокзале
Берёт обратный литерный билет.

На Молдаванке музыка играет,
В пивной стоит весёлый пьяный гул,
А за столом два вора заседают,
Старик-пахан толкает речугу́.

«У нас, ворья, суровые законы,
И по законам этим мы живём,
И если Колька честь вора уронит,
Мы Ширмача попробуем пером».

Но тут Маруся встала и сказала:
«Его не троньте! Всех я заложу!
Я поняла значение канала,
За это Колькой нашим я горжусь!»

Тут вышли у́рки с нею из шалмана
И ставят Маньку-суку под забор:
«Умри, змея, пока не заложила,
Подохни, падла — или я не вор!»

А на канал приказ отправлен новый:
Шпане сказали — марануть порча́!
И рано утром зорькою бубновой
Не стало больше Кольки-Ширмача.

1 Канать — идти.
2 Лепня́ — костюм.

Жиганец. Ф. Блатная лирика. Сборник. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001.